

Американцы не разрушали СССР

Category: Kitarcy, Publisistika

написано kitarcy | 24 января, 2025

Американцы не разрушали СССР АМЕРИКАНЦЫ НЕ РАЗРУШАЛИ СССР

- Коткина про распад Советского Союза

Небольшая книга о причинах и механизмах распада СССР – первая переведенная на русский язык монография Стивена Коткина, одного из главных американских специалистов по современной России. Его имя знакомо отечественным историкам и политологам, но с печатными изданиями на русском Коткину откровенно не везло: в России он регулярно бывает с 1984 года, но до недавнего времени было опубликовано лишь несколько его статей. Хотя нехватки в русскоязычных рецензиях на главные книги Коткина нет, встреча с ними у большинства наших читателей еще впереди. Самая долгожданная из них, конечно, биография Сталина, а «Предотвращенный Армагеддон» можно прочесть для затравки перед этим монументальным и пока не завершенным трудом.

- Неизбежный, но необязательный конец

Добраться до российского читателя эта книга могла как минимум дважды: в 2001 году, когда вышла в издательстве Оксфордского университета, и в 2008-м, когда автор переработал ее и довел хронологически до начала президентства Дмитрия Медведева. Однако главный вопрос книги – почему Советский Союз распался столь внезапно – не получил общепризнанного ответа до сих пор, и в этом смысле выход «Предотвращенного Армагеддона» на русском нельзя назвать несвоевременным. Хотя контексты восприятия аргументации Коткина за прошедшие годы, безусловно, изменились.

В эпоху Брежнева среди американских ученых и политиков распад СССР считался вероятным, но конкретный временной горизонт этого события отодвигался в неопределенное будущее. В знаменитой статье Рэндалла Коллинза 1980 года коллапс СССР в

результате геополитического напряжения прогнозировался в течение нескольких десятилетий, где-то ближе к середине XXI века. В не менее известной статье «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» советский диссидент Андрей Амальрик также упирал на геополитику, главной проблемой которой было нарастающее противостояние СССР и Китая.

В основе же аргументации Коткина лежит убеждение, что геополитика в распаде Советского Союза существенной роли не сыграла, ее влияние ощущалось косвенно, через призму глобальной экономики, в которой СССР начиная с середины 1970-х годов стал все больше проигрывать в конкуренции с Западом. В качестве контрпримера Коткин приводит Индию, в 1980-е годы находившуюся в худшем экономическом положении, чем СССР, но не втянутую в глобальное противостояние с США и их союзниками, которое в случае СССР было не только экономическим, технологическим и военным, но еще и политическим, культурным и моральным. Но это обстоятельство лишь подчеркивает главную, по Коткину, загадку распада СССР: «почему многочисленная советская элита, располагавшая вооруженными до зубов и верными властями внутренними войсками, несмотря на все свое могущество, оказалась не в состоянии защитить ни социализм, ни Союз?».

Катастрофические события рубежа 1980–1990-х годов заставили многих аналитиков искать их предпосылки в реалиях брежневской, а то и хрущевской эпохи. Но и эту гипотезу Коткин отвергает с порога: по его мнению, утверждение, что распад Советского Союза начался до 1985 года, – заблуждение, такое же, как и утверждение, что он закончился в 1991-м. «Проблемы, решить которые пытаются советские руководители, просто не имеют решения... Однако советские руководители не собираются совершать политического самоубийства», – цитирует Коткин в самом начале книги высказывание еще одного диссидента, Владимира Буковского, сделанное им в 1989 году, когда Советский Союз уже не казался нерушимым, но и признаков скорой смерти не демонстрировал.

«Величественный крах Второго мира... был спровоцирован не гонкой вооружений, а коммунистической идеологией. И КГБ, и (менее внятно) ЦРУ сообщали в своих секретных сводках, что с 1970-х

годов Советский Союз находится в состоянии глубокого кризиса. Однако, хотя советский социализм явно проиграл соперничество с Западом, он обладал некоей летаргической стабильностью и мог продолжать по инерции существовать довольно долго или же мог прибегнуть к оборонительной стратегии в духе Realpolitik. Для этого нужно было ограничить великодержавные амбиции, узаконить рыночную экономику и таким образом восстановить свою экономическую мощь и сохранить при этом с помощью политических репрессий авторитет центральной власти. Вместо всего этого Советский Союз пустился в романтические искания, пытаясь осуществить мечту о „социализме с человеческим лицом”», – так вкратце звучит аргументация Коткина.

Иными словами, СССР действительно надорвался, но не геополитически, как предсказывал Коллинз, а просто в силу невозможности «догонять и перегонять» в рамках существующих институтов и структурных ограничений. Понимание этого, в сущности, возникло уже в 1970-е, и одним из его свидетельств служит знаменитый анекдот о визите японцев на советское «высокотехнологичное» производство, когда после проведенной экскурсии по предприятию в ответ на вопрос директора: «Ну что, насколько лет мы от вас отстали?» японцы отвечают: «К сожалению, навсегда». Но, полагает Коткин, из этого отнюдь не следовало, что СССР скончается скоропостижно, – куда более вероятным, по его мнению, был бы инерционный сценарий.

«Руководители страны брежневских времен благополучно игнорировали растущее отставание от США, и так могло продолжаться еще долго. По сравнению с Западом плановая экономика была неэффективной, но она обеспечивала всеобщую занятость населения, а уровень жизни людей, по западным меркам низкий, казался большинству жителей страны терпимым (учитывая, что сравнивать его было не с чем из-за цензуры и ограничений на зарубежные поездки). Никакой напряженности в стране не было. Национальный сепаратизм существовал, но не представлял серьезной угрозы стабильности. Небольшое по численности диссидентское движение было разгромлено КГБ. Многочисленная интеллигенция непрерывно ворчала, но, подкармливаемая государством, в целом была лояльна власти. Уважение к армии

было исключительно глубоким, а патриотизм – очень сильным. Советского ядерного оружия хватило бы на многократное уничтожение всего мира. Непосредственную опасность представляло разве что ослабление социалистической системы в Польше, но даже эта угроза была отсрочена введением в этой стране военного положения в 1981 году», – исходя из этого, Коткин утверждает, что никакой «насушной необходимости» в перестройке, о чем Горбачев заявлял в 1987 году, не было.

- Горбачев как арбатская матрешка

Оценка личности Горбачева в книге Коткина далека от привычных либеральных штампов в духе «он дал людям самое главное – свободу», и это вдвойне примечательно, поскольку Коткин открыто декларирует свою верность либерализму. Однако понимание либерализма у него сугубо институциональное: либеральный порядок для Коткина предполагает наличие институтов, обеспечивающих верховенство закона – сильного парламента, контролирующего расходование средств, авторитетной судебной власти, способной интерпретировать принимаемые парламентом законы и руководствоваться ими, профессиональной исполнительной власти, последовательно реализующей законы. Поэтому либерализм для Коткина – здесь он апеллирует к такому классику, как Алексис де Токвиль – важнее для создания жизнеспособного государства, чем демократия.

Какое место в этой конструкции занимает пресловутая свобода? Явно не первостепенное. Победа «демократов» над «коммунистами» в августе 1991 года – это миф, полагает Коткин: задолго до начала путча свобода СМИ и альтернативные выборы – главный формальный критерий демократии – прочно вошли в политическую жизнь страны. Однако суть происходившего в последние годы существования СССР Коткин предлагает искать не в том, что теперь в избирательных бюллетенях было несколько фамилий (а не одна, как раньше), а в принципиальном изменении структуры институтов государства, которое затеял Горбачев.

Поэтому, настаивает автор, главным объектом перестройки на самом деле была вовсе не экономика (хотя именно в этом поле

начиналась перестройка на апрельском пленуме 1985 года, где Горбачев заявил об ускорении социально-экономического развития), а компартия. Акценты были переставлены после того, как экономические реформы, казалось бы, тщательно спланированные, потерпели крах и лишь ухудшили ситуацию в стране, но ослабление централизованного контроля над предприятиями и хозяйственной активностью населения создало положение, при котором старые механизмы уже не работали, а новых не появилось. Дополнительный вклад в дестабилизацию внесла гласность, которая, как полагает Коткин, показала, что до 1985 года большинство жителей СССР, несмотря на бесконечные жалобы, принимали многие базовые принципы советской системы. Но их идентичность, убеждения, жертвы оказались преданными – именно тогда, когда их ожидания резко выросли.

И именно в этот момент вдруг выяснилось, что защищать социализм и Советский Союз открыто готовы только «противники реформ», потенциальным лидером которых мог выступить секретарь ЦК КПСС по идеологии Егор Лигачев. Но Горбачев будет готов пойти навстречу консерваторам лишь к концу 1990 года, когда распад СССР был уже фактически неизбежным, а в начале 1988-го сворачивать с курса реформ Горбачев был не готов. Поводом для нейтрализации Лигачева, на которого повесили всех собак в связи с провалом реформ, стала знаменитая статья ленинградской преподавательницы Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», якобы с подачи Лигачева опубликованная в газете «Советская Россия».

Но этот тактический ход Горбачева, занимавшегося аппаратной борьбой, в конечном итоге запустил демонтаж КПСС: «„Соппротивление“ консерваторов было не слишком умелым, а вот горбачевский „саботаж“ системы, хотя в основном и неумышленный, оказался мастерским. Таким образом, „истинная драма реформ“, оттесненная в тень зацикленностью на консерваторах, заключалась в том, что один талантливый тактик невольно, но исключительно умело демонтировал всю советскую систему: от плановой экономики и идеологической приверженности социализму до самого Союза». Для дальнейшего ослабления ЦК КПСС Горбачев под лозунгом возвращения к «ленинским принципам»

решил в противовес аппарату партии усилить советы, анонсировав избрание Съезда народных депутатов на альтернативной основе, а в преддверии этих выборов, летом 1988 года, начал реорганизацию секретариата ЦК. Последствия этого проявились незамедлительно: как оказалось, именно партийная вертикаль была единственным институтом, обеспечивавшим единство СССР, а органы власти союзных республик, согласно Конституции СССР, не имели прямого подчинения соответствующим союзным институтам.

«Теперь же, с разрушенной системой центрального партийного контроля, дискредитированной партийной идеологией и парализованной системой плановой экономики, Горбачев обнаружил, что Верховные советы республик начали действовать в полном соответствии с той ролью, которой он их сам невольно наделил: они стали парламентами фактически независимых государств», – так описывает Коткин положение дел в марте 1990 года, когда Горбачев был избран президентом СССР. Именно в этот момент центральная власть в стране уже была рассредоточена (утверждению Горбачева в новой должности предшествовала отмена 6-й статьи советской Конституции о «руководящей и направляющей роли КПСС»). В этот момент само будущее Союза оказалось под вопросом, ведь «именно КПСС, вроде бы избыточная с точки зрения государственного управления, фактически обеспечивала целостность государства – поэтому партия и была подобна бомбе, заложенной в самой сердцевине Союза».

По большому счету Коткин щадит Горбачева и не признает прямо, что последний генсек был вопиюще некомпетентен в вопросах управления страной, упавшей ему в руки в ситуации, когда ни один из членов брежневского политбюро не мог стать новым лидером из-за возраста и состояния здоровья. Правда, в некоторых местах книги Коткин указывает на специфический «талант» Горбачева – умение приносить профпригодность в жертву аппаратным соображениям (например, при назначении министром внутренних дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, прежде не имевшего никакого опыта работы как в дипломатии, так и в центральных органах власти). Но в целом Горбачев у Коткина скорее заложник системы, которая сформировалась задолго до него, заложник,

наивно полагавший, что его романтический порыв к «социализму с человеческим лицом» способен придать этой системе новую динамику.

«Подобно арбатской сувенирной матрешке, внутри Горбачева был Хрущев, внутри Хрущева – Сталин, а внутри этого последнего – Ленин. Предшественники Горбачева построили здание, напичканное минами-ловушками, взрывающимися от реформаторских импульсов», – констатирует Коткин. Именно поэтому Горбачев воспринимал перестройку «не как бессмысленную попытку найти квадратуру круга, а лишь как драматическое противостояние реформаторов консерваторам». Но в тот момент, когда Горбачев наконец отказался пойти навстречу последним, те уже были готовы действовать самостоятельно. В августе 1991 года изолированный в Форосе Горбачев сделался уже во всех отношениях бессмысленной фигурой. Последней его реальной попыткой уцепиться за реальную власть стал мартовский референдум 1991 года о сохранении СССР, который не удалось заблокировать Ельцину. Однако на территории России в бюллетень для голосования был добавлен вопрос о создании должности президента Российской Федерации, и на этих выборах Горбачеву изначально ничего не светило: ассоциировавшийся с ним кандидат, бывший премьер-министр СССР Николай Рыжков, проиграл Ельцину с огромным разрывом.

- Неединая Россия

Подробно Коткин разбирает и небезызвестную точку зрения, согласно которой в распаде СССР виноват национализм, пышно расцветший в союзных республиках вскоре после начала перестройки и гласности. Да, распад СССР был национальным, признает Коткин, называющий Союз «империей наций», – но лишь по форме, а по содержанию он был оппортунистическим.

Этот тезис автор «Предотвращенного Армагеддона» иллюстрирует на примере введения президентского поста в России в 1991 году. Первоначально его появление, полагает Коткин, не означало замены российским президентом союзного (то есть Ельциным Горбачева). Однако новые институты, парламент и президент

России, фатальным образом повлияли на судьбу Союза: как только успех Ельцина в создании новых, республиканских институтов власти стал очевидным, он обрел поддержку не только пресловутых «демократов», но и куда более многочисленной советской бюрократии, увидевшей именно в этом шанс сохранить или даже укрепить свою власть.

То же самое произошло и в других ключевых союзных республиках – на Украине, в Казахстане, **Туркмении**, Узбекистане. «Роковым для судьбы СССР стал не национализм как таковой, а структура государства (15 национальных республик) – прежде всего потому, что ничего не было сделано, чтобы помешать использовать саму структуру Союза для ослабления центра. «Реформы» включали в себя намеренное перераспределение власти в пользу республик, но этот процесс был непреднамеренно радикализирован решением не препятствовать распаду Варшавского блока в 1989-м и выступлением России против Союза», – отмечает Коткин. Но даже несмотря на эти факторы, распад Союза, по его мнению, не был неизбежным – главным было то, что советское руководство при Горбачеве не только не смогло провести черту, отделяющую «нормальный» национализм от сепаратизма, но и само непреднамеренно способствовало распространению национализма. В последнем случае Коткин имеет в виду попытки проведения силовых акций в Грузии в 1989 году и в Литве в начале 1991 года, которые привлекли на сторону сепаратистов многих сомневающихся и поставили Москву в положение обороняющейся стороны, деморализуя КГБ и армию. Именно неготовность Горбачева последовательно применять силу Коткин и считает главной причиной того, что распад СССР не оказался настолько кровавым, как распад Югославии, – отсюда и заглавие его книги. Но бесславный уход Горбачева с политической сцены в 1991 году (последующие карикатурные попытки стать президентом России или возглавить «социал-демократическую» партию явно не в счет) вовсе не означал, что вместе с ним ушла в прошлое и перестройка – в смысле перестройки государственных институтов. Как показывает Коткин, основы сегодняшней конструкции российской власти были заложены именно Горбачевым. В момент утверждения в должности президента СССР Горбачев,

полагает автор, предположительно взял за образец французскую гибридную президентско-парламентскую систему, где правительство отвечает одновременно перед президентом и парламентом. Затем, не удовлетворившись этим, Горбачев преобразовал Совет министров в кабинет, прямо подчиненный президенту (на этот раз предположительно по американской модели), а в феврале-марте 1991 года он выселил это правительство из Кремля, освободив место для собственного президентского аппарата, чьи отделы дублировали министерства. Не важно, что к тому моменту реальной властью Горбачев уже почти не обладал, – главное, что ту же самую институциональную структуру скопировали новые российские власти, которые, казалось, были непримиримыми антагонистами Горбачева. Конституция 1993 года сделала Российскую Федерацию «суперпрезидентской» республикой, а кроме того, в подчинении президента оказалась еще и собственная администрация, чьи департаменты отчасти дублировали соответствующие министерства – «точно так же, как это происходило в недолговечном аппарате единственного президента СССР, а до того – в ЦК КПСС. Заполучив те самые здания, в которых когда-то располагался ЦК, ельцинская администрация разрослась до еще больших размеров, не уместившись на Старой площади и заняв еще и часть Кремля. А в новом Управлении делами администрации президентская власть обрела такую независимую от госбюджета финансовую основу, которая и не снилась царям или Политбюро».

Здесь логика рассуждения Коткина вновь заставляет вспомнить о Токвиле, который, как известно, акцентировал момент преемственности, а не разрыва между Старым порядком и Французской революцией. В переходе от Советского Союза к Российской Федерации Коткин не видит ничего похожего на революцию – этот процесс был просто «каннибализацией прежней советской реальности», в связи с чем рассуждать всерьез о каких-то «либеральных» или «неолиберальных» реформах применительно к началу 1990-х годов, по его мнению, просто не приходится. «Таких реформ никогда не было и не могло быть. То же самое можно сказать и о благих „альтернативах“ этим реформам. Противники российского риторического неолиберализма

не были в состоянии определить, кто же именно должен был воплотить в жизнь рекомендуемые ими „постепенные” реформы. Уж не миллионы ли чиновников, предавших советское государство и занятых самообогащением? Никакое российское руководство, придя к власти в результате нараставшего коллапса центральных (советских) институтов власти, не смогло бы предотвратить последовавшего за этим коллапсом полного разворывания банковских счетов и собственности, которыми на бумаге владело государство, а на практике – ничем не ограниченные должностные лица».

Однако Коткин не согласен и с еще одним известным тезисом по поводу распада СССР, согласно которому приватизация государства советскими чиновниками началась еще при Брежнев (а то и раньше), когда сформировались основные коррупционные сети, затем уже открыто прибиравшие к рукам активы, созданные всем народом. На самом деле, утверждает автор, ворота, открывавшие путь к обогащению, до роспуска СССР только начали открываться – и уже после того, как республики отправили на свалку остатки Союза, а стремительный поворот к рынку стал официальной политикой, процесс захвата государственного имущества начал развиваться бешеными темпами. Именно поэтому Коткин настаивает на том, что коллапс СССР был именно распадом, а не свержением социалистического общественного строя (как, например, в Польше), и в постсоветской России этот распад продолжился, полагает автор, вспоминая о драматических отношениях между центром и регионами в период президентства Ельцина. «Решение президента Путина вернуться к системе назначения региональных руководителей из центра действительно ограничило наиболее вопиющие случаи поведения региональных руководителей», – признает Коткин в издании 2008 года (разумеется, он не мог знать о возвращении губернаторских выборов в 2012 году). «Однако Российская Федерация – сложный продукт советской эпохи, распада Союза, импровизированных сделок и путинской рецентрализации – по-прежнему далека от сплоченности и единства».

К сегодняшней российской власти Стивен Коткин не испытывает симпатий, однако добросовестность исследователя фактически

заставляет его признать ее достижения – и здесь политический реалист явно одерживает верх над абстрактным институционалистом. На последних страницах книги Коткин констатирует: «Только фантастическая наивность как Горбачева, так и Ельцина позволяла им рассчитывать, что Россия будет допущена в элитарный клуб мировых держав просто из симпатии. Путин казался бóльшим реалистом, не питая иллюзий по поводу „партнерства“ с США и обоснованно соотнося интересы своей страны прежде всего с Европой, хотя и не забывая о российских интересах (и прежних рынках) в Азии – от Ирака и Ирана до Индии, Китая и Корейского полуострова».

Однако на вечный вопрос «куда идет Россия?» Коткин дает короткий и очевидный ответ: «Она в Евразии» (опять же, написано это задолго до появления Евразийского экономического союза). А вот на вопрос «куда идет остальной мир?» у Коткина нет определенного ответа. «Капитализм – необычайно динамичный источник бесконечного созидания, но также и разрушения. Взаимные связи увеличивают общее благосостояние, но повышают и риски. Да и сами Соединенные Штаты еще более увеличивают эту непредсказуемость, сохраняя колоссальную военную и разведывательную машину, так и не демобилизованную после окончания холодной войны, демонстрируя горючую смесь высокомерия и паранойи в ответ на предполагаемые вызовы их глобальным претензиям и с упрямством пренебрегая теми самыми правительственными институтами, которые обеспечивают их мощь».

Николай ПРОЦЕНКО. Publisistika